

Александр Петров
МОЙ ДВОРЕЦ

Александр Петров

Мой дворец

«Автор»

2012

Петров А.

Мой дворец / А. Петров — «Автор», 2012

Главный герой по поручению своей жены отправляется на соседнюю улицу за квасом для окрошки. Казалось бы, что в этом может быть интересного? Но герой повести превращает этот банальный поход в целое приключение с удивительными встречами и необычными событиями. Этот странный для нашего времени человек всю свою жизнь превратил в путешествие по таинственному и чудесному дворцу – и в этом нашёл своё счастье.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Александр Петров

Мой дворец

Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его

1-е Послание апостола Павла к Коринфянам 2,9

И вознес меня в духе на... высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога

Апокалипсис 21,10

*Над небом голубым
Есть город золотой*

Анри Волохонский

Новый день грянул бравурными аккордами Первого концерта Чайковского. С тех пор, как я обнаружил в нашей стереосистеме функцию будильника, просыпаюсь уже не под звон, режущий нервы и ухо, а под великую музыку. Рука сама нашупала на черном корпусе кнопку сети, указательный палец скользнул по ней – и музыка весеннего пробуждения улетела. Осталась липкая знойная тишина, которая не успокоила и не обрадовала.

О, эта многоликая и таинственная тишина! Когда ты в порядке, она приходит желанной гостьей, окутывает твои плечи невесомым пледом, окружает тебя уютом оазиса в пустыне и разливает в душе сладость нектара. Сегодня ничего подобного не наблюдалось, из чего я сделал вывод, что наступила пора сделать что-нибудь такое, что принесло бы в моё размеренное существование пульсацию жизни, которая только что звучала из колонок музыкального центра.

В тот утренний час, пока я сидел на краю кровати и разглядывал тапочки, жизнь представилась мне отнюдь не привычным восхождением по ступеням вверх, но застывшей на поверхности лесного болота зеленоватой ряской. Пока я чистил зубы и пил кофе, мои глаза рыскали по дому, мой все еще дремлющий разум вяло искал что-то, о чем и сам не догадывался.

– Если ты сходишь за квасом, – раздался мягкий голос Нюры из-за спины, – я приготовлю крошку.

Присел я на минутку и решил привести в порядок свой разум, о поверхность которого только что ударился камень внешнего раздражителя, издевательски попрыгал, рассеивая по зеркалу теплой густой воды растекающиеся круги смятения. Наконец, камешек ушел под воду, круги на воде растаяли и установился первозданный покой. А что, может быть, в этом есть какой-то подспудный смысл? Не всегда плохо то, что мы не планируем, если принять чье-то решение как должное, как шанс. Что ж, пусть будет так.

– Может, на всякий случай, тебе шубу прихватить?

«На дворе тридцать один градус жары, какая там шуба!» – хотелось воскликнуть, лицедейски воздев руки к потолку. Но, взглянув на лицо Нюры, я понял, что это была шутка: если ты будешь так долго собираться и ходить за квасом, может наступить зима, и в таком случае тебе понадобится шуба, чтобы не замерзнуть – вот, что пытались сообщить мне ироничная улыбка, выгнутые дугой густые брови и поза одалиски, прислонившейся к дверному косяку с подергиванием ноги в домашнем шлепанце виде мордочки Микки Мауса.

Чтобы довести шутку до логического конца, мне теперь придется взять с собой шубу. Вообще-то это меховое изделие согласно этикетке называлось «Тулуп овчинный, выделан-

ный», но мы уважительно называли именно так: шуба. Сколько раз гостям преподносилась фраза: «Ах, какая у нас шикарная шуба!», после чего они фантазировали на тему переливчатости меха, густоты подшерстка, ну и конечно – цены с большим количеством нулей. Когда же им приносили старенький тулуп, вздох облегчения прохладным ветерком пролетал по воздуху гостиной, где возвышался стол с гостями и салатами. Давно замечено: людям больше нравится не завидовать чужому богатству, а сочувствовать нищете. Шуба наша тихо и мирно висела круглый год на вешалке у входной двери. Мы её не прятали в шкаф, потому что часто пользовались: то укутывали ею кастрюлю с гречневой кашей, то прохладными ночами я накидывал её на плечи, когда выходил на балкон, то укрывал мерзнущие ноги жены, а то лежал на уютном и упругом меху и смотрел в потолок, что-нибудь обдумывая.

Я стоял у раскрытого шкафа и, задумчиво покачиваясь корпусом, выбирал одежду, более всего подходящую к условиям предстоящей экспедиции. На самом деле, кто знает, что может случиться, как изменятся погодные условия или в какую переделку могу я попасть. Время на дворе непростое, если судить по телевизионным новостям, которые врываются в дом, приносят страх и желание зарыться поглубже в землю. После долгих примерок я выбрал брезентовый костюм грибника и туристические ботинки на рифленной подошве. В рюкзак засунул туго скрученную шубу, японскую палатку, по карманам рассовал нож, консервы, спички, соль и бородинский хлеб, оставшийся от вчерашнего горохового супа. Потом подумал и на всякий случай прихватил зубную щетку.

Нюра наблюдала за моими действиями с невозмутимостью палача, терпеливо переживающего последние шаги приговоренного. Я с благодарностью улыбнулся и в который раз отдал ей должное: только эта женщина с поистине ангельским характером могла столько лет терпеть в доме столь непрактичное существо как я. Потом еще подумал и прихватил термос с крепким чаем, рулон туалетной бумаги, дневник, карту, справочник туриста и роман Стругацких «За миллиард лет до конца света» – именно эта книга более всего соответствовала задачам экспедиции: там такой же зной и люди в экстремальных условиях поиска истины.

Итак, свершилось! Седьмого августа в девять часов пятьдесят две минуты с трехлитровой банкой в руках и с рюкзаком за плечами я вышел из дому. О чем не преминул сделать первую запись в дневнике. У нашего подъезда я обнаружил одинокую лавочку. Странно, подумал я, помнится, лавочек было как минимум две – это во-первых. А во-вторых, на них чуть не круглые сутки сидели бабушки, мамыши, а после их ухода – мужчины, употребляющие разного рода напитки. Оглядевшись, я обнаружил новый монолитный дом, который успели не только построить, но и заселить. Эта высотная башня занимала место прежнего зеленого сквера с качелями-каруселями и столом для «дворянского собрания» Раньше именно там засиживались мужчины за игрой в домино. И мамыши с детьми там же играли и гуляли. Здесь у подъезда по большей части сидели бабушки, соблюдая высокие нормы морали и нравственности граждан. Попробуй, пройти сквозь строй бдительных старушек, если ты покачиваешься от алкогольной интоксикации или, скажем, сопровождаешь нелегальную подружку, ввиду отъезда жены в отпуск! Уже через минуту после твоего преступления весь двор, вся общественная и партийная организация ЖЭКа будут мучительно решать, как спасти человека от алкоголизма или семью от развала.

Сидеть на скамейке оказалось весьма удобно: обзор хороший, тень от деревьев, аромат цветов от палисада, опять же доносятся мирные беседы жильцов из открытых окон – всё это располагало к длительной засаде с целью серьезного сбора разведанных. Вот на роликах катаются подростки, которых раньше можно было попросить слетать в булочную за батоном. Вон там, за углом соседнего дома, выглядывает ярко-синим мазком река, а над крышей дома левее возвышается странное циклопическое сооружение. Где же я его видел? А!.. Это же одна из высоток Москва-Сити! Оказывается, это ни сновидение кремлевского мечтателя, ни фотография Нью-Йорка, а самая натуральная реальность. Зато голубятня во дворе соседнего дома еще

стоит! И если прищуриться, можно разглядеть белых голубей с роскошными хвостами за сетчатой стенкой второго этажа. А вот еще один штрих из далёкого прошлого: в окне первого этажа виднеется фотоувеличитель для печати фотографий в домашних условиях. Когда-то и у меня был такой, да выпросил один приятель на недельку, и не вернул. Нет, что ни говори, а у меня очень выгодная диспозиция. Да.

– Здорово, сосед! – услышал я чей-то громкий голос, невольно вздрогнул и оглянулся.

Оказывается, на моей лавке сидел мужчина в клетчатой ковбойке с красным улыбающимся лицом почитателя земных удовольствий. Его волосатая рука сжимала темную стеклянную емкость с чем-то бурным внутри. Он хлопнул меня по плечу и достал из черного полиэтиленового пакета такую же стеклянную емкость и протянул:

– Освежиться не желаешь?

– Благодарю, я уже выпил кофе.

– А-а-а! Так ты на кофе подсел! – разочарованно сказал тот. – Это ты зря. Сердце посадишь и тела совсем лишишься.

– Какого тела? – переспросил я.

– Ну как, трудовой мозоли! – Он встал и нежно, как ребенка, погладил большой живот. – В наши годы любой уважающий себя мужчина просто обязан носить живот. Вот помню, раньше иду я по улице, а прохожие тычут в меня пальцами и говорят: вы только посмотрите, какой он невидный и вовсе не солидный, сразу видно, жизнь его не задалась. А когда я приналег на пивко, уже никто такого неуважения не проявляет. Наоборот, народ оглядывается, останавливается и весело так говорит: эвона, эвона, каков мужчина идёт, прямо глаз радуется, ну всё при нём: и стать, и упитанность, и по всему видно, жизнь его удалась, и он с оптимизмом глядит вперед, в светлые дали развитого капитализма!

– Теперь понятно, – сказал я. – Как и весь народ, отныне и я обязуюсь взирать на вас и радоваться явной упитанности.

– То-то же! Ну и как тебе всё это? – Он обвел двор широким жестом. – Всюду машины, гаражи, настроили каких-то домов, так что погулять негде. Бардак!

– Вы думаете? – рассеянно сказал я. – Да, конечно, скверик жаль. Да и вообще, озеленение оскудело. Люди строят дома, вырубая деревья и кусты, заливают асфальтом траву – словом, пытаюсь улучшить свою жизнь, они её у себя отнимают. Ведь природа – это жизнь, а бетон и асфальт – мертвый камень.

– А я тебе о чем говорю! Жаль, что ты на кофе подсел, а то мы бы с тобой развили тему. Ладно, пойду, поищу кого-нибудь на перспективу, раз ты пасуешь. Не останавливаться же на достигнутом. Минут через шестьдесят душа востребует продолжения. А одному как-то нехорошо, некультурно. Надо же соблюдать правила приличия! Здесь вам не там! – Встал и ушел. Видимо, я невольно опечалил хорошего человека.

Из-за угла дома выехал оранжевый автомобиль и остановился напротив нашего подъезда. В его округлых линиях угадывался дизайн довольно популярного автомобиля прошлого века «Фольсваген-Жук». А, понял! Это новый «Жук», стилизованный под старый – тенденция ретро. Открылась дверца и выпустила наружу загорелую девушку в белой юбке и оранжевой майке.

– Добрый день, – вежливо поприветствовала она меня.

– Здравствуйте, – ответил я. – Простите, а мы разве знакомы?

– Так вы же дядь Юр из седьмой квартиры? А я Марина из десятой.

– Ах, Мариночка! – воскликнул я. – Какая же ты стала взрослая! Не узнать. Слушай, но я же совсем недавно разговаривал вот тут с твоим папой, а ты сидела в коляске, маленькая, розовенькая, в белом платочке и в огромных солнцезащитных очках – такая потешная...

– Ну вы даёте! С тех пор семнадцать лет прошло. Целая жизнь! А вы говорите «недавно»!

– Мне на самом деле кажется, будто это было вчера. Ну и как ты жила все эти годы?

– Как? Обычно. Школу закончила, в универ поступила, парикмахером с выездом на дом работаю. У меня международный диплом. Вот машину уже купила. Теперь на квартиру деньги собираю.

– Как много ты успела. За такое малое время...

– Ничего себе малое! Нет, ну, конечно, если за квасом ходить полдня, – с усмешкой показала она на забытую мною банку, – то и век покажется минутой. Но если шевелить конечностями, то можно многое успеть.

– Ради чего! Скажи, неужели тебя в твоём возрасте не интересует вопрос о смысле жизни? Помнится, он мне спать не давал.

– А я этот вопрос для себя уже решила. Будут деньги – будет жизнь!

– Но это опасное заблуждение! Деньги не дадут тебе ни дружбы, ни любви, ни мира в душе, ни радости в сердце.

– Ой, дядь Юр, простите, спешу. Мне еще переодеться и в Жуковку ехать к очень строгой клиентке. А это триста баксов, как-никак!

– О, бедное, заблудшее дитя! На что тратишь ты лучшие годы жизни!

– Да бросьте! – Махнула она ухоженной рукой в кольцах. – Ну ладно, давайте я как-нибудь заскочу к вам, и вы мне расскажете про смысл жизни. Замутим крутейший диспут часика на два. А сейчас бегу! – И вспорхнула по лестнице в подъезд.

Меня окликнули по имени. Я оглянулся и увидел, как с балкона моя жена пальцем показывает в сторону бочки с квасом и тем же пальцем грозит мне. «Ему и больно и смешно, а мать грозит ему в окно». Кивнув головой в бандане, я встал и направился в указанном свыше направлении. Бандану эту маскировочной расцветки под лесной пейзаж подарил мне один военный. Он утверждал, что она «счастливая», потому что с банданой на голове участвовал в боевых действиях и даже легкого ранения не получил – ни в голову, никуда. Не знаю как он, а я в этом головном уборе напоминал самому себе пирата, позарившегося не на сундук с золотом, а на косынку школьной уборщицы тёти Зины.

Два года писал я книгу. В течение этих долгих месяцев, трижды ставил точку и облегченно вздыхал: всё, конец! Но к вечеру следующего дня, когда я сидел за стол, открывал деловой блокнот и вспоминал, кому задолжал встречи, письма, деньги, любовь и сочувствие... Да, уже к вечеру следующего дня снова и снова открывалась потайная дверь и впускала меня в бесконечные лабиринты иной реальности, откуда исходили живые образы, глубокие мысли, диалоги мудрецов о высоком – и снова брался за перо, и едва успевал записывать то, что не имел права забыть и рассеять в суете, но непременно оставить на бумаге и передать другим. Эти длинные месяцы, каждый день, без выходных и отпусков, я выполнял функции секретаря начальника, то есть бессловесного исполнителя Подателя высшей воли, у которого не принято спрашивать, чего он хочет и что будет дальше, – знай, записывай, аккуратно и молча.

Меня иной раз надолго поражали ощущения паралича, когда тело будто каменело, а кровь пульсировала только в пишущих пальцах и глазах. В таком состоянии я мог находиться сутками, падая на три-четыре часа в сон, похожий больше на временную смерть, чтобы потом воскреснуть, подняться и обратно уйти в состояние глубокого погружения в пространство книги. Это было моим счастьем и болью, это стало моей Голгофой и Фавором, это будет смыслом жизни и смерти.

После окончания книги всегда приходит боль, которая может терзать неделями, а то и месяцами. Так надо. Это необходимо просто перетерпеть. Когда утихает боль, нападают помыслы и сомнения: что есть для тебя творчество – бегство в миражи фантазии, защита от жестокой реальности или поиск желанного утешения? Зачем лично тебе это? Ни славы, ни денег, ни здоровья. Жена, мать и знакомые давно смотрят на меня как на тихопомешанного.

Тогда скриплю зубами и со стоном выдыхаю тихим, свистящим шепотом: «С креста не сходят, с креста снимают!»

В пятый день рождения отец подарил мне «Книгу для детского чтения». Очень скоро сначала папе, а потом и маме, надоело каждый день читать мне по главе на ночь, и однажды отец научил меня писать и читать – за один вечер. Просто написал на листочке бумаги буквы алфавита, а рядом – рисунки предметов, название которых начиналось на эту букву: «а» – апельсин, «д» – дверь, «я» – яблоко. Наверное, моё стремление самому читать большую книгу, наполненную интересными рассказами, очень нужными, чтобы понять окружающий мир... Наверное, это стремление познания жизни было настолько сильным, что я сухой губкой впитал буквы и стал читать сам. Иногда я подглядывал в папин листок, но с каждым днем всё реже – и вот наступил вечер, когда я прочитал целую главу книги самостоятельно. Так я стал читать, так передо мной открылся мир знаний, настолько отличный от прежнего, серого, плоского и непонятного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.